

Григорий ФУКС

г. Лос-Анджелес, США

18 февраля 1831 года совершилось бракосочетание Пушкина с Натальей Гончаровой.

Уже через два года, еще до знакомства Натальи Николаевны с Дантесом, Пушкин заметил нечто такое, что его обеспокоило. Почти на всех балах присутствовал его величество Николай I, расположенный к танцам и веселью. Уже при первом появлении московской красавицы он обратил на нее внимание. Пригласил на начальный танец и провозгласил королевой бала. Это стало обычным в его отношении к Наталье Николаевне. Пушкин, зная гусарский характер императора, почувствовал угрозу своей чести. Сначала он это не показывал, но осенью, находясь в Болдино, при его творческой мнительности, не удержался и без намеков, открытым текстом пожурил за кокетство с государем: «Не мешай мне, не страдай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем...» Этого ему показалось мало, и через три недели, 30 октября, он возвращается к своему предупреждению: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься. Но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышней, все, что не комильфо,

все, что вульгарно... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот-те Христос, и пойду в солдаты с горя...» Писал о возможной вульгарности. Да и откуда ей было взяться? А думал о другом, о возможной реальности: внимании царя к Наталье. Беспокойство его не уменьшалось, а делалось все тревожнее. Уже через неделю, в ноябре, он пишет новое взволнованное письмо, полное беспокойства и душевной тревоги: «Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, — для чего? Для тебя: чтобы ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоей красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности и т. д.». Подчеркиваем — Дантеса еще нет. Не о нем речь. А ревность налицо.

31 декабря 1833 года Высочайшим указом Пушкина «всемилоостивейше пожаловали в звание камер-юнкера двора нашего». На другой день он записал в дневнике, отчетливо понимая

смысл такой милости: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтоб Наталья Николаевна танцевала в Аничкове...»

«Зато Наталья в восторге, потому что назначение мужу открывало ей доступ ко двору; в ожидании этого она танцует повсюду каждый день». Из письма матери Пушкина.

Николай I, хорошо понимая характер своей милости, говорил княгине Вяземской, зная о ее дружбе с Пушкиным: «Я надеюсь, что он принял в хорошую сторону свое назначение – до сих пор он держал мне свое слово, и я им был доволен». Царь понимал, зная характер поэта, что тот взбешен.

Николай был влюбчив и имел вкус в выборе женщин, отмечая самых изысканных. Граф Корф в своих записках называл этих избранниц: Бутурлина, урожденная Комберлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина, и, позже, жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова.

Находясь в курсе светских сплетен, Пушкин не мог не знать об этом списке. Но понимал, что бесценен что-либо изменить. Царя на дуэль не вызовешь. Но, не выдержав, написал жене из Москвы, переступив через свою повышенную гордость: «Про тебя, думается, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужа всегда последние в городе узнают про жен своих. Однако ж видно, что ты кого-то (царя) довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола...» Дыма без огня, как говорит народная мудрость, не бывает. Родив сына, Наталья решила назвать его Николаем, хотя никаких родственников с таким именем ни у нее, ни у Пушкина не было. Поколотил ли он жену – неизвестно, хотя разговоры об этом шли. Однако категорически воспротивился предложению жены, и сына назвали в честь одного из предков Пушкина Григорием.

Сам Николай, покоренный красотой Пушкиной, по-мальчишески не скрывал своих чувств. Он был царь, и его внимание не должно было вызывать ревности у супруга. Но Пушкин относился к этому по-другому. Говорил с возмущением об этом Нащокину, что Николай «как какой-нибудь офицерика ухаживает за его женой. Нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, к вечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены». Пушкин, назначенный в придворные историки, часто бывал в разъездах и при его воображении мог представлять себе лю-

бые картинки, самые для него невыносимые. Тем более, как человек светский, Пушкин был наслышан о характере любовных отношений его величества. Если тот отличает даму и желает с ней сблизиться, он говорит одно слово приближенному адъютанту. Предупреждает супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, – о чести, которая им выпала. Не было примеров, чтобы это отличие было принято иначе «как с изъявлением почтительнейшей признательности». Ровным образом нет еще примеров, чтоб обеспеченные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья. Что касается дам, жертв царской прихоти, то при дворе не знали ни единого случая сопротивления или отказа. Дама, с которой Пушкин как-то говорил на эту тему, лукаво улыбаясь, ответила вопросом: «Как это возможно? Только «да». Да муж бы никогда не простил мне, если бы я ответила отказом».

Но с Пушкиным был не тот случай. Царь, зная его характер и популярность в обществе, не мог решиться на открытый сговор. Но выдавал поэту авансы, приближая к себе. Дав камер-юнкерство, сделал придворным. За казенный счет напечатал «Историю Пугачева». Да и глаза закрыл на щекотливость темы. Т. е. делай что хочешь, но не будь строптив. Но Пушкин никогда не был рабом двора и не мог принять царских условий. Екатерина Мещерская-Карамзина упрекала Наталью Пушкину в возрастном чрезмерном легкомыслии и безответственной беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, которые выносил ее муж. «В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам. Но она не так искусно умела скрывать свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что муж ее иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам».

Понимая безвыходность своего положения в любовной интриге царя, Пушкин направляет свое беспокойство и безнадежность в творчество, создавая поэтические шедевры. Исследователи творчества поэта считают, что непревзойденный образец его поэзии поэма «Медный всадник» – итог невеселых раздумий над собственной судьбой, глубоко скрытые автобиографические мотивы. Изучая историю Петра I, отдавая должное его государственному размаху деятельности, Пушкин увидел и трагедию обыкновенного «маленького» человека с его личными интересами и надеждами, безжалостно растоптанного неумолимой силой. В поэме это разгул стихии в городе, созданном энергией Петра. В нем видит Евгений причину гибели своей возлюбленной.

Тогда же в Болдино, мучаясь неизвестностью из-за положения жены, Пушкин создает «Анджело» – историю о гнусных домогательствах Анджело к монашке Изабелле. Чтобы спасти от смерти брата, он требует ее любви.

Убеждаясь, что сговориться с Пушкиным невозможно, Николай пытался расположить к себе Наталью Николаевну сам. Для этого у него имелись все условия. Не надо было ничего придумывать. Они виделись ежедневно на балах. Такое было тогда почти ежевечернее времяпрепровождение. К девяти-десяти часам Наталья Николаевна с Пушкиным, а в его отсутствие – без него, появлялась в том или ином дворце. Туда же приезжал государь. Танцы продолжались далеко за полночь и обычно заканчивались где-то под утро. Хотя они тогда были не телесно контактные, но наговориться всегда хватало времени. Николай приглашал Наталью постоянно, и они смотрелись привлекательно. Оба высокие, стройные, к тому же отличные танцоры. После танцев, в отсутствие Пушкина, за ужином Николай усаживался рядом с Натальей, накладывал ей еду и шептал что-то на ухо. Сам Пушкин много проигрывал из-за роста, оказываясь в паре с женой. Поэтому любил больше стоять у стенки, хотя мог двигаться неплохо. Наталья нравилась многим, например князю Вяземскому, который это не скрывал, ограничиваясь восторженными взглядами. Естественно, она реагировала кокетливой улыбкой. Как бы отвечая на знаки симпатии. А разве могло быть иначе при ее вызывающей красоте. Пушкин не хотел мириться с этим, хотя сам был далеко не безупречен уже после женитьбы на Наталье.

Все шло по логике дворцовых правил к неизбежной развязке, но тут появился красавец Дантес. Внимание царя не могло не льстить Наталье, но пылких чувств она к нему не испытывала. Пушкин был старше ее на тринадцать лет, а Николай на все шестнадцать. А вот в Дантеса она влюбилась. Это документально доказано. Не только в письмах его отцу барону Геккерену, но и в признании Натальи мужу. У них возникло взаимное чувство. Это виделось невооруженным глазом. Об этом заговорил свет. Естественно, не исключая царя. В лице Дантеса он получил опасного соперника, и это его не устраивало. Слишком много было разговоров, да и Пушкина не могла скрыть своего расположения. Дело дошло до прямого объяснения на щекотливую тему государя с Натальей Николаевной. Толкнуть на это его могла только ревность. Его разговор один к одному напоминал наставления Пушкина кокетливой жене. Какое удивительное совпадение от

людей разного к ней положения. Встречаясь часто в свете с Натальей Николаевной, которую, по его словам, он искренне любил и любит как очень добрую женщину (разумеется, только за это), он как-то «разговорился с нею о комеражах (сплетнях), которым ее красота подвергает ее в обществе; советовал быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности». Здесь каждое слово имело определенный смысл. Тут и объяснение в своих чувствах при упоминании о ее красоте, и прямой намек на увлечение Дантесом, что роняет ее репутацию в обществе и лишает счастья мужа, рождая опасную ревность. Судя по всему, разговор этот, а может быть, и не один, состоялся уже после первого вызова Дантеса на дуэль. Пушкин узнал о разговоре, естественно, от прямодушной жены и был возмущен до глубины души, понимая интригу царя. Он был до того взбешен, что осмелился на немислимую дерзость – высказать Николаю свою благодарность за заботу о его чести и репутации Натальи Николаевны. Больше иронии трудно представить. Царь отыграл выпад Пушкина дипломатично, сделав вид, что благосклонно принимает благодарность, сказав: «Разве ты мог ожидать от меня другого». Казалось бы, разговор окончен. Но Пушкин оставил за собой последнее слово, сказав то, что его мучило не один год: «Признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женой». Он смог позволить себе такой немислимый для двора поступок. Разговор происходил за три дня до роковой для Пушкина дуэли.

Уже почти двести лет ученые пушкиноведы решают, мог или не мог царь предотвратить дуэль. При его жандармских возможностях и при постоянной всесторонней слежкой за Пушкиным, вероятно, мог, несмотря на непреклонное желание поэта защитить свою честь даже ценой жизни.

Второй вопрос, более существенный, – хотел ли он этого. Понимал ли до конца, кто есть Пушкин для России. Дантес точно не понимал. Абсолютно прав Лермонтов, написав в его адрес:

*...Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в тот миг кровавый,
На что он руку поднимал!..*

С точки зрения ценителя поэзии Пушкина, Николай недалеко ушел от Дантеса, хотя признавал поэта за хорошего стихотворца. Но в сравнении с государственными управленцами, несущими ответственность за судьбу державы и

ее подданных, он никакой ценности не представлял. Что касается общественного мнения, то в годы царствования Николая оно не имело силы из-за малочисленности читающей городской прослойки и пассивной преданности властям. Класс демократической интеллигенции еще не сформировался. Да и кто с ним считался в России! Кроме того, для Николая Пушкин оставался маскирующимся вольнодумцем, способным на любые сюрпризы. Но, пожалуй, главным для влюбленного царя было положение Пушкина как супруга прекрасной Натали, не признающего царского увлечения. Повязав поэта службой и камер-юнкерством, рассчитывал на его сговорчивость и роль придворного рогоносца. В своем дневнике Пушкин возмущается перлюстрацией его письма жене, которое полиция представила царю: «Государю не угодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, – но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудроно быть самодержавным!»

Друг Пушкина, граф Сологуб, высказывал цензору Никитенко свое мнение о смерти поэта. В последний год своей жизни Пушкин решительно искал смерти. Сологуб уверяет, что обвинения Натали Николаевны в связи с Дантесом – сущий вздор. Да и Пушкин в это не верил. Подозревая другую причину. Жена поэта стала заметной фигурой в свете. Там пошли слухи о ее связи с царем. Из этого понятно, считает Сологуб, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти. Причиной был царь, а Дантес только предлогом.

Но обращает на себя внимание и другое. Пушкин, убедившись в особой благосклонности императора к своей «мадонне», изменил отношение к его персоне. Нет, он, конечно, не нарушил слово, данное Николаю при их беседе в Москве в 1826 году. Оставался лоялен к власти и признателен государю за покровительство и опеку. Но после создания в 1831 году патриотических «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины» не написал ничего подобного и, что особенно привлекает внимание, ни единого стихотворения, посвященного Николаю.

Неужели такая перемена из-за Натали? Других причин просто не было. Никаких перемен в царствовании Николая после встречи с Пушкиным в Москве за эти годы не произошло. В том числе и в худшую сторону.

4 ноября 1836 года Пушкин получает анонимное письмо, где его «единогласно избирают заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена».

Такое письмо было разослано в тот же день еще 7-8 лицам, в основном друзьям поэта. Получил его и Николай. Было много споров об авторстве отправителей пасквиля. Пушкин с самого начала заподозрил Геккерена-старшего. Через сто лет судебный эксперт ленинградского уголовного розыска установил, что оно было написано князем Петром Долгоруковым.

Осенью 1836 года подозреваемых было несколько. Пушкина в свете не любили и злорадствовали его травле. Николай внимательно следил за интригой относительно Пушкина и Геккеренов.

Когда дело дошло до первой дуэли, он имел возможность при дежурстве Дантеса в Зимнем иметь с ним краткую беседу, после которой тот тут же, неожиданно для всех, посватался к сестре Натали Николаевны Екатерине. Ничего не скажешь – истинно царское решение убрать конкурента.

В письме брату, великому князю Михаилу, уже после гибели Пушкина высказал свое отношение к начальным событиям, осудив барона Геккерена за сводничество в отсутствие Пушкина, уговаривая его жену отдаться Дантесу. Тем более, еще за две недели до сватовства к Е. Гончаровой, Дантес просил руки княжны Барятинской.

Разговор царя с французом был явно нелицеприятным. Кроме того, командиру кавалергардов Гринвальду, очевидно, поступило указание свыше не спускать Дантесу ни малейшего промаха на службе. Действительно, по книге приказов Кавалергардского полка видно, что в октябре-ноябре 1836 года он непрерывно подвергается наказаниям, вследствие чего иногда по несколько дней подряд остается дежурным по полку. В то же время Дантеса по каким-то причинам перестают приглашать на придворные балы, где он раньше регулярно бывал, да и должен был присутствовать как офицер свиты императрицы.

19 ноября значилось в полковом приказе, что «поручик барон де-Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз назначен без очереди дежурным при дивизионе ... за опоздание на репетицию ординарцев делается ему стро-

жайший выговор и назначение дежурным пять раз». За три года службы Дантес получил 44 взыскания.

Убрать такого офицера из престижного Кавалергардского полка для царя не составляло проблемы. Но даже он не мог себе этого позволить из-за ненужных кривотолков. Причина для двора была слишком очевидной. К тому же Дантес при дворе стал заметной фигурой, украшением балов и любимцем именитых дам. Сама императрица ему благоволила, выделяя среди остальных. Как тут удалить Дантеса, не избежав щекотливых объяснений. Правда, собирался это сделать сам Гринвальд до вмешательства царя, но как-то в текучке позабыл. Конечно, придумку Николая ввести Дантеса в пушкинскую семью бездарной не назовешь. Это был нестандартный вариант, ход, достойный государя. Теперь, как член семьи, молодой Геккерен не сможет претендовать на Наталью Николаевну, пытаясь увести ее у мужа. Да и флиртовать под присмотром жены совсем не те возможности. Николай, как всегда уверенный в своих расчетах, гордился сим проектом. Да и общее удивление двора такой неожиданной женитьбой доставляло ему удовлетворение. Его царский авторитет был настолько силен и непререкаем, что красавец француз с семьюдесятью тысячами годового дохода, четыремя годами моложе девицы Гончаровой, безропотно соглашается жениться на безродной бесприданнице. Но, как царь выяснил, влюбленной в Дантеса как кошка (по высказыванию его величества).

Все приданое Екатерины Николаевны составляло 10 000 рублей. Плюс 5 000 ежегодно ассигнациями. Никакого материального интереса, естественно, у Дантеса к ней не было.

23 ноября 1836 года, согласно записи в дворцовом журнале, Его величество после 3 часов принял во дворце графа Бенкендорфа и камерюнкера Пушкина. Речь шла об анонимных письмах в адрес поэта. Обычно дела Пушкина Бенкендорф решал с царем без него. А тут благоволил выслушать лично, взяв как бы сторону поэта. При такой ситуации царь выступал защитником его интересов, пообещав утихомирить Дантеса и его лукавого покровителя. Что он и сделал, предложив тому жениться на свояченице Пушкина. Но, как уже говорилось, Николай не беду отводил от Пушкина, а в большей степени, как он предполагал, избавлялся от удачливого соперника. Пушкин, как тонкий знаток человеческой психологии, без труда разобрался в сути царской душевности.

Как считают знатоки этой темы, стремление

Николая вести интимный разговор с Натальей Николаевной было желанием заручиться расположением молодой женщины и добиться близости в их отношениях, а не только преклонения перед его положением. Пушкин понял, что он в тупике. После дерзкого разговора с Николаем он послал вызывающее письмо Геккерену.

Как ни странно, но царь ошибся в своих расчетах с Дантесом. Во-первых, Пушкин с ним не примирился, подозревая, что брак его – дьявольский обман. Нарушая все подобные случаи, вызвал родственника на дуэль, собираясь его убить, сделав сестру жены вдовой. Такого свет еще не знал. Да и царь представить не мог.

Николай, зная об этом, как и обо всем, что касалось Пушкина, Дантеса и Натальи, выжидал развязки событий, впервые не представляя, что предпринять. Наталья, будто не понимая происходящего с мужем, продолжала радоваться светской жизни и всестороннему вниманию поклонников. «Кокетка, ветреный ребенок» – эта характеристика онегинской Ольги вполне подходила к ней. «Другая жена нужна была Пушкину, – писала Екатерина Карамзина, – великому и доброму поэту следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню». Но все это в сослагательном наклонении. Пушкин, как создатель красоты, признавал только ее, а Наталья была ее эталоном. Как оказалось, смертельным для его характера и темперамента.

Николай хорошо знал систему светской круговой поруки и не видел в ней ничего дурного. Все делалось по доброму согласию и взаимному удовольствию. Поэтому скандальная ревность Пушкина не встречала у него понимания. Но она его устраивала с точки зрения личных интересов. Брату, великому князю Михаилу Павловичу, недипломатически называл барона Геккерена-старшего подонком и гнусной канальей, угрожавшего в отсутствие Пушкина его жену отдать Дантесу, который будто бы к ней умирал любовью... Впоследствии, выдворяя этого дипломата из России, отказал в положенной по протоколу аудиенции. Женив Дантеса на Екатерине Гончаровой, Николай решил, что избавился от соперника. Но что из этого получилось – хорошо известно. После женитьбы Дантеса Николай, встретив Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав ему знать наперед. Но после известного увещательного разговора царя с Натальей Николаевной Пушкин окончательно понял, к чему все клонится, и не стал извещать царя о своем

вызове Геккерену. Вызов на дуэль лишь за любовное ухаживание был совершенно непонятен царю. Это было против дворцовых правил. А Николай признавал кодекс чести и право Дантеса ее защищать.

При всем этом Николай I велел Бенкендорфу предупредить дуэль. Но мы не знаем, каким тоном это было сказано, а в этом Бенкендорф разбирался. Кроме того, он точно понимал, что царь не взыщет с него за дуэль, а в худшем случае выскажет недовольство. Это подтверждает письмо Николая генералу И. Паскевичу: «...Он (Пушкин) умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же написанную, но, слава богу, умер христианином». Паскевич, отвечая Николаю, высказал сожаление по случаю смерти поэта. Отметил, «...что талант его созревал. Но человек он был дурной». Царь без оговорок согласился с мнением Паскевича. Для чиновников высшего круга Пушкин оставался лишь бумагомаракой, да еще сомнительной репутации. Лермонтов в своем дерзком стихотворении «На смерть поэта» односторонне, но с большим чувством назвал причину гибели Пушкина, считая его «добычей ревности глухой», подробно описывая травлю поэта надменными потомками, известными подлостью «прославленных отцов». Но обвинения Лермонтова в еще большей степени можно отнести и к царю, а не к Дантесу. Николай, бесспорно, мог уберечь Пушкина от дуэли, но не захотел, как это делал кишиневский губернатор Инзов, спасший поэта от нескольких поединков.

Царь считал себя, естественно, эталоном нравственности, за Пушкиным этого не признавал. Жуковскому, который просил оказать Пушкину те же почести, что и Карамзину, отказал.

Дуэль и ее результат однозначно устраивали Николая. При любом ее исходе он избавлялся одновременно от обоих своих соперников. Убий Пушкин Дантеса, его, по тогдашним законам, ждало суровое наказание, вплоть до отправки в Сибирь.

Пушкин, гениальный в творчестве, в жизни оставался уязвимым, как любой простой смертный, о чем писал неоднократно. Царская вседозволенность превращала его в холопа, и он, понимая безвыходность ситуации, боролся, как мог, до конца не только творчески, о чем мы писали. Но и ценой жизни.

□

Григорий ФУКС –

член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Родился в Одессе, школу окончил в Ленинграде,

педагогический институт в Петрозаводске.

Преподавал историю и литературу в школе.

*Педагог, воспитатель, тренер
и международный арбитр по настольному теннису.*

Работал журналистом в Астрахани и Карелии.

Автор сценариев для Центрального телевидения,

восьми книг и нескольких пьес.

С 1995 г. живёт в Лос-Анджелесе.

